

Касима возвращался домой сквозь дождливую ночь.

Однако он держал путь не с работы, и был не один.

Мужчина возвращался из супермаркета, где на полставки работала Нацу.

Нацу стояла справа от него с зонтиком, и он держал в руках Харуми.

Харуми находилась в сумке, приспособленной для ношения младенцев. Ребенок выглядывал из цилиндрической тканевой сумки, и вертикальный ремешок, обернутый ему за спину, помогал удержать ее перед собой.

Она предназначалась для Нацу, с ее слабой хваткой левой руки, но прямо сейчас ремешок был закинут за шею Касиме. Харуми спала, завернутая в покрывало внутри сумки.

Касима нес ее, напевая на ходу, но голова Нацу поникла, и она выглядела уставшей.

Когда женщина приоткрыла уста, глядя вниз, то произнесла те же слова тем же тоном, что и несколько раз до этого.

— Я... Мне очень жаль.

— Тебе не нужно извиняться. Кто-то по ошибке взял твой зонтик, вот и всё.

— Все равно, это непозволительно. Я не только не вернулась домой раньше главы семейства, но еще и вынудила его прийти меня забрать, — решительно сказала она с немного опущенной головой.

Даже во тьме он заметил, что движениям ее белой джинсовой рубашки не хватало энергии.

Касима глядел на Нацу, которая придвинулась к центру зонтика и уставилась в землю.

Она выглядит, как обруганный щенок, — подумал он.

Когда Нацу повернулась к нему со смущенным выражением лица, на его лице возникла небольшая улыбка.

— Это непростительно, правда?

— Правда, правда. Так какой зонтик забрали?

— Я взяла дешевый пластиковый, так как не хотелось, чтобы его украли. ...Но мне кажется, кто-то подумал, что его забыли.

— Может, нам стоит купить именной.

— О, я знаю магазин в Асакусе, производящий отличные зонтики. Мы бы могли... — Она запнулась, и покачала головой. — Нам следует экономить наши сбережения.

— Не говори так разочарованно. Ты вполне можешь потратить немного денег.

— Не могу. К тому же, в тот магазин всегда ходят мои родители.

— Ясно, — сказал Касима, кивнув.

Мужчина подумал потянуть ее к своему плечу, но, к сожалению, его руки были заняты.

Пока он внутренне посетовал на это, Нацу снова произнесла:

— Но как ты узнал, что я все еще была в супермаркете, Акио-сан?

— Ну, честно говоря, я искал тебя повсюду.

— Хе-хе. Ты волновался?

— Да, — сказал он.

Касима не знал, что ему сказать на некоторое удивление, читаемое на лице Нацу.

— Я очень переживал. Давно уже не случилось, чтобы парадная дверь не открылась, когда я вернулся домой.

— Этого не случилось с тех пор, как я помчалась в больницу рожать, не так ли? Прости.

— Может, нам стоит купить мобильные телефоны.

— Для тебя он, может, и пригодится, но я обойдусь. И у меня есть плохая привычка очень долго висеть на телефоне. Мне кажется, если я получу мобильник, счета будут просто баснословные. — Нацу улыбнулась, и глянула на их дочку. — Она действительно хорошо спит. Она никогда не плачет при тебе. Знаешь? Как будто Касима, великий бог нашего семейства, дает нам покой.

— Ты ведь тоже теперь часть семейства Касима. Думаю, Харуми не плачет потому, что мы оба вместе с ней.

— Большое тебе спасибо.

Разве на подобное стоит отвечать с улыбкой и благодарностями? — Подумал Касима, глядя на нее.

У ее шеи нечто блеснуло. Это кольцо, висящее на коротенькой серебряной цепочке.

Он неожиданно ощутил вес в своей правой руке, той, что сжимала зонтик.

Левая рука Нацу ухватила его за рукав лабораторного халата. Три пальца этой руки держались очень слабо.

Женщина продолжала смотреть вперед, и ее брови немного расслабились, но она произнесла:

— Я и правда обрадовалась, когда ты пришел за мной, пускай я тебе и не звонила, — ее ресницы опустились. — Ты всегда приходишь меня спасти.

— Я... — начал Касима, но не смог подобрать слов.

Согласиться ему или нет с ее использованием слова «спасти»?

Он не знал, что было верным ответом для нее, и что было неверным ответом для него.

...Я просто не знаю.

Его неуверенные мысли сами собой вызвали тишину. Нацу улыбнулась, с по-прежнему полуопущенными ресницами.

И затем, в руках Касимы задрожало маленькое тело Харуми.

В миг его остановки, они оказались рядом с перекрестком.

И он увидел справа свет. Фары автомобиля.

Они поворачивали в их сторону, словно задевая внутренний угол.

— ———

Нацу обронила свой зонтик под дождем.

Штаб-квартиру UCAT, замаскированную под административное здание транспортировок, заливал дождь.

Брызги, ударяющие о землю, виднелись с холла первого этажа.

На диване у окна, откуда хорошо обозревалась дождливая ночь, сидела Синдзё.

С другого края в лабораторном халате сидел Ооширо, и они оба наблюдали за белой дождливой тропой, тонущей во тьме.

— Поразительно...

— Весна подходит к концу. Это дождь, знаменующий смену сезона. Незадолго после его завершения, придет пора для фермеров высаживать рис.

Синдзё слышала вздох Ооширо.

Он прозвучал многозначительно, так что она отвернулась от окна в его сторону.

— Почему Вы показываете мне большой палец, Ооширо-сан?

— Ну, Синдзё-кун. Я слышал, что ты оказалась одна в мужской раздевалке с Микото-куном.

— Мы не делали ничего неприличного, — сказала она почти мгновенно, — Правда, из-за Дианы-сан поползли слухи.

— Ох, батюшки, — Ооширо преувеличено прикрыл лицо руками. — Когда это ты выучилась так огрызаться?

— Вам не нужно было так выделываться.

— Какая же ты скучная. Тебе следует подыграть, Синдзё-кун.

— Как насчет того, чтобы Вы отправились в свой кабинет и поиграли еще в эту вашу игру с девочками? Она звалась «Улица Осака Нанба»? Вы сказали, что забросили ее раньше времени, из-за шокирующего проигрыша, будучи увлечённым трансвеститом, да?

— Надо же, и теперь такое каменное заявление, раскрывающее все тайны?!

Синдзё его проигнорировала и глянула за окно, подперев голову руками. Стекло отражало картину Девы Марии с противоположной стены. Она подумала, что вид ее отражения внизу, смотрящую на дождь, сделает ее похожей на героиню романа или что-то такое. Однако...

— Я выгляжу просто сонной...

Синдзё услышала еще один вздох Ооширо.

Только не снова, — подумала она, поворачиваясь в его сторону.

— ...

Он сидел на диване, устремив на нее взор.

— Ты рассказала Микото-куну свою ложь? — спросил он.

Синдзё неторопливо покачала головой.

— Но я сказала, что Сецу и я оба его обманываем.

— Ясно, — он кивнул, и снова сказал, — Ясно.

Он больше ничего не говорил, потому Синдзё обессилено наклонила голову.

— Что же мне делать?

— Я думаю, тебе не следует спрашивать у меня.

— Почему нет?

— Если ты у кого-то спросишь — то сразу получишь ответ. Ты понимаешь, что это значит?

— Да, но разве не поэтому ты спрашиваешь у людей?

— Если хочешь, можешь меня спросить, и я дам тебе подсказку. Но разве Микото-кун не думает о твоей лжи, не спрашивая ни у кого о помощи?

Синдзэ об этом задумалась. Она задумалась снова. Задумалась в третий раз. Но...

— Да уж... Он никогда никого не спросит.

А раз так...

— Вы советуете мне не спешить?

— Ты должна дать ему время подготовиться. Ему нужно подготовиться, чтобы тебя принять.

Она немного содрогнулась, но вспомнила, что Саяма сказал ей в раздевалке.

...Он хочет должным образом меня узреть.

Девушка поместила значение этих слов глубоко в свое сердце.

— Синдзё-кун, ты можешь раздумывать вместе с ним. Даже если ваше физическое местоположение и координаты разнятся, ты можешь размышлять одновременно с ним. Ты можешь решить, что делать после этого.

Синдзё кивнула, а Ооширо уселся неглубоко на диване, раздвинув немного ноги.

— Садаме, это сестра, а Сецу — брат...Этот болван Итару выдумывает чрезвычайно ненужные вещи.

— Но это имя всегда меня защищало.

— И поэтому ты сейчас в замешательстве, разве нет? По мне, так оно больше помеха, чем достоинство.

— Н-не ведите себя так, будто Вы в этом не замешаны.

— Но я не замешан, нет, нет, нет!

— Ах, как же меня это выводит!

— Ва-ха-ха, — рассмеялся Ооширо, поднимая большой палец правой руки, и глядя в окно.

Дождь усилился еще больше.

Синдзё увидела, как его лицо на мгновение поменялось.

Она наклонила голову на этот намек на резкость.

— Дождь вызывает у Вас какие-то плохие воспоминания? Вы таеете, если он на Вас попадет?

— Я что, по-твоему, Ёкай? ...Как бы там ни было, ты помнишь ночь восемь лет назад, когда случился обвал за три горы отсюда?

— Я... кажется, припоминаю. Это когда все ринулись на помощь, потому что произошел несчастный случай, но Вы все проспали, и Итару-сан потом Вас поколотил?

— Т-тебе не нужно было запоминать вторую часть.

— Я не особо помню аварию, но я хорошо помню, как Итару-сан схватил Вас за шиворот и нанес шквал ударов по телу, тогда как Sf-сан заваривала сбоку чай. Печенья были вкусные. Ребенком мне казалось, что веселая часть производила большее впечатление, чем катастрофа.

— Ты думаешь, это весело, когда твои ребра сломаны? В дождливые дни вроде этого мой левый бок начинает ныть.

Плечи Ооширо поникли, и Синдзё дважды извинилась.

— Это был ужасный оползень, правда? — продолжила она. — Вроде бы автобус, направляющийся в горы, попал под обвал?

— Да. Единственный пассажир получил тяжелое ранение. Она была студенткой университета на пути обозрения реликвий с периода Дзёмон, раскопанных в горах. По крайней мере, так мне рассказывал Итару.

— Что с ней случилось?

— Битое стекло очень сильно поранило ее левую руку. Но гораздо хуже то, что обвал замуровал её в автобусе. Она вообще не могла пошевелиться и застряла под проливным дождем на целых два часа. Я слышал, что в дождливые дни она больше не может выходить на улицу, и что она бросила университет.

Синдзё осознала, что пока она слушала, ее выражение лица изменилось. Ее брови опустились, и она попыталась что-то сказать, но Ооширо заговорил раньше.

— Что бы ты подумала, если бы я сказал, что на самом деле ответственность за обвал несет UCAT?

— ...Э?

— В то время, в UCAT проходила реорганизация. Отдел разработок почти полностью поменялся, поэтому им нужно было войти в курс дел. И, так как отдел по большому счету заполнился людьми из 2-го Гира, они исследовали Сусаоо, который запечатал Ямату, Концептуальное Ядро 2-го Гира. Но когда они увидели повреждения на мостике Сусаоо, они поняли, что им тут делать нечего.

— И ч-что случилось потом?

— 2-й Гир полон инженеров, потому они начали исследовать могущественное концептуальное оружие. ...В то время, они уже предполагали, что мы будем сражаться с оружием, питаемым от Концептуальных Ядер. Они хотели создать оружие, не уступающее по силе тем, что у Изумо-куна и Казами-кун. — Он перевел дух. — И их испытательная площадка была...

— Т-только не говорите, что...

— Да, на месте той аварии. 2-й Гир создал прототип Облаченного Меча, сделанного лишь из необходимых частей, но тестер не мог совладать с его силой, и перерубил гору. К этому времени она наверняка уже немного размякла под дождем, но даже так, это потребовало бы силы на уровне второй формы V-Sw Изумо-куна.

Синдзё сглотнула.

Человек по имени Ацута, похоже, совсем не опасался Изумо и Казами.

...Они нацелились на создание оружия такого же типа, как и у них.

— Н-но UCAT никто не обвинял, не так ли?

— Нет. Это был несчастный случай, и мы — организация, скрытая от общественности. Всё, что мы можем, это обеспечить непрямую финансовую помощь.

— Я с-совсем не об этом, — Синдзё встала, не задумываясь. — Вы как-нибудь искупили то, что совершили?

— Хороший вопрос, — Ооширо склонил голову. — Но после этого, исследование концептуального оружия 2-го Гира сосредоточилось на практичности, вместо силы. V-Sw, G-Sp2 и твой Ex-St исключения. К тому же, инженер, вызвавший инцидент перестал разрабатывать оружие, и вместо этого занялся регулировкой производительности. И...

— И?

— Женщина, травмированная в инциденте, судя по всему, была его знакомой из университета, и после всего этого они поженились. Согласно Директору Цукуёми, он не рассказывал ей о UCAT, но в этом году у них родился первый ребенок.

— Он взял на себя ответственность за ту аварию?

— Ответственность? Какую ответственность? — спросил Ооширо. — Он не может рассказать ей про UCAT, потому что она до сих пор не знает правду об инциденте. Ты видишь в этом какую-то ответственность?

— Ну...

Синдзё начала что-то говорить, но Ооширо поднял руку, призывая ее успокоиться.

Затем она осознала, что, на удивление, заикнулась на этой теме.

...Это потому, что мы похожи.

Она лгала, и раскрытие правды могло причинить Саяме боль.

Этот инженер солгал, и продолжал жить с пострадавшей, не раскрывая ей правду.

— ...

Девушка смолкла, прикрыв рот ладонью, и Ооширо вздохнул.

— Мне кажется, Микото-кун сказал бы на это: он пытается искупить свое преступление, но разве он, попросту, не продлевает его?

Синдзё не была в этом уверенной. Она задавалась вопросом, как бы поступила на его месте.

...Постойте-ка. Этот инженер?..

— Кто этот инженер?

— Касима Акио.

— !..

Она его знала, и Ооширо кивнул в подтверждение.

— Ты встретила с ним в столовой, не так ли? Он представитель 2-го Гира.

Синдзё неожиданно ощутила, как сила ушла из ее ног, и она безвольно поникла на диване.

В столовой, она спросила его, не лжет ли он кому-нибудь.

...Он продолжает лгать ради того, о ком заботится.

Он оставался с ней так долго, скрывая тот факт, что причинил ей боль.

Это было его решением. Но...

— Я...

Синдзё почувствовала, что ее лицо побледнело.

Она увидела кивок Ооширо.

— Долг и человечность. Это вполне в духе 2-го Гира и вполне в духе Японии. Это мудреная вещь, Синдзё-кун. 2-й Гир, это мир японской мифологии, но тебе известно, что в этой самой мифологии обитают два контрастирующих героя?

— Сусаноо и Ямато Такэру, да?

— Верно, — Ооширо улыбнулся и кивнул. — Японская мифология очень глубока. Одного героя ненавидели за его жестокость, но он прожил честную жизнь. Другого героя восхваляли за его красоту, но он прожил жизнь во лжи. Однако...

— Однако?

— После того как Сусаноо стал героем, он продолжил свою жизнь в качестве Штормового Бога

Сусаноо. Ямато Такэру, с другой стороны, изначально именовался Осю, но после разрушения Кумасо, его одарили именем Такэру от Кумасо Такэру. ...Ты можешь считать это различием между ними.

Эти слова удивили Синдзё.

Но, на минутку задумавшись, она кивнула.

Мысли о двух героях прошлого проносились у нее в голове.

Один герой увяз в своих собственных методах и жил, не меняя имени, тогда как другой герой изменился.

...Что если?..

Что если бы эти двое встретились?

Едва эта идея пришла ей в голову, Синдзе ощутила себя так, словно ее зрение пропало. Она могла слышать дождь как белый шум, но голос Ооширо неожиданно вмешался.

— Так или иначе, пора уже отправляться домой. Ты можешь попросить Sf-кун подогнать машину и отвезти тебя туда, где тебе место.

Во тьме ночи, Касима вслушивался в дождь.

Мужчина ощущал дыхание своей маленькой дочки в левой руке, и дождь, тарабанивший в зонт в правой.

И в той же руке он ощущал пульс и содрогание женщины.

Нацу.

Когда фары приблизились, он притянул ее к себе рукой, сжимавшей зонт.

Прямо сейчас, она прижималась к нему, словно обнимая.

Машина проехала мимо, не обращая на них внимания, и Касима уже даже ее не слышал.

Но Нацу по-прежнему к нему прижималась так близко, что он ощущал ее пульс.

— Всё хорошо.

Чтобы ей стало легче, Касима прижался к ней правой рукой.

Но она не успокаивалась даже в его объятьях.

— Мм, — простонала женщина, и прижалась к нему еще крепче.

Это выглядело так, словно его объятья давали ей разрешение приблизиться еще.

Его правая ладонь обернулась вокруг ее левой, поддерживающей их ребенка.

— ...

Ее левая рука схватилась за спину его лабораторного халата, словно расцарапывая, отпустила, и затем схватилась за другое место.

Нацу повторяла это неуклюжее действие снова и снова, но не останавливалась.

Со слабой хваткой ее запястья, она, должно быть, не чувствовала, что сжимает достаточно крепко.

Касима держал как зонтик, так и ребенка, поэтому не мог взять ее за руку.

— Ненавижу дождь, — вдруг произнесла Нацу.

Касима немного удивился услышать ее дрожащий голос, произносящий ему в грудь.

— Нацу-сан.

— Ненавижу его.

Она начала плакать.

— Ненавижу.

То, как она дрожала, прижалась к нему, и опустила взгляд в землю, походило на поведение ребенка. Касима согнулся, чтобы приблизить голову к ней.

— Ты не любишь его, правда?

Нацу покачала головой, сделала вдох и сильнее поскребла левой рукой по его спине.

— Акио-сан.

— Я здесь. Как и Харуми.

Касима оглянулся в поисках зонтика Нацу.

...Вот и он.

Красный зонтик отнесло в сторону ветром от машины, и он откатился в центр дороги.

Уличные огни освещали его силуэт. Он лежал перевернутым, и его круглая форма обрушилась. Два или три стержня сломались, а значит, он пришел в негодность.

Плохи дела, — подумал Касима.

У них был всего один зонтик, и мужчина не мог позволить дождю попасть на Нацу или Харуми.

Плечи Нацу содрогались, то поднимаясь, то опускаясь в такт ее дыханию.

Она немного успокоилась?

Когда он наклонился, холодный дождь намочил его спину. Этот озноб полностью отличался от тепла, исходящего от двух живых существ в его руках.

Но...

...Это на моей ответственности.

Он даст им то, чего они пожелают.

Если они спокойны, Касима оставит их как есть. Если они дрожат, он это прекратит.

Мужчина вспомнил тот дождливый день восемь лет назад.

...Я переоценил свою силу.

Это привело к определенному случаю тогда, и к тому, что лежало у него сейчас перед глазами.

На миг ученый опьянел от собственной разрушительной силы, но это быстро сменилось паникой, когда он осознал, что наделал.

Прошли часы, пока прибыла помощь в такой ливень.

Продравшись сквозь грязь, он обнаружил раненую руку своей старой одноклассницы.

Касима не мог сейчас взять ее за эту руку, поэтому позвал.

— Нацу-сан.

В свое время в университете мужчина звал ее по фамилии.

Он называл ее «Такаги», распространенной фамилией в Токио.

Но сейчас, поскольку у них была общая фамилия, Касима звал ее по имени.

— Нацу-сан.

...Она не знает правду.

— Нацу-сан.

...Она не знает про USAT.

Она медленно подняла голову.

...Она не знает о 2-м Гире.

Она все еще плакала.

...Она не знает обо мне.

Он кивнул, и расслабил свои объятья.

...Но...

Она дрожала, и он протянул Харуми к ней.

...Я сделаю для неё всё.

Женщина перевела взгляд между ним и Харуми, кивнула, и выбрала Харуми.

Затем поддержала сумку правой рукой и сняла ремешок с его шеи.

Она закинула его себе за шею, и обхватила Харуми и сумку.

Малышка открыла глаза, и глянула на заплаканное лицо Нацу.

— А, — сказала Харуми с улыбкой.

Нацу, наконец, улыбнулась в объятьях Касимы.

Чтобы успокоить дыхание малышки, она мягко качнула Харуми вверх и вниз.

— А, — снова сказала Харуми.

Она продолжила, издав несколько легких смешков, походивших на «а» и «хья».

Нацу глянула вниз на Харуми и кивнула.

— Молодчинка, — сказала Нацу, вздыхая.

Она вернулась в норму.

...За исключением румянца на ее щеках и влаги в уголках ее глаз.

Подумав это, Касима внутренне вздохнул с облегчением.

...Слава богам.

— Я пойду, подхватчу другой зонтик и вернусь домой. Ты продолжишь путь сама? — спросил он.

Нацу глянула ему в лицо и на зонтик над их головами.

— Когда ты нагнулся, чтобы сравняться с моим ростом, твоя спина высунулась. — Она неожиданно кое-что осознала. — Т-твоя спина уже намокла.

— Но я не могу дать промокнуть тебе и Харуми.

— Спасибо. Но я не могу дать промокнуть главе семейства.

Нацу заволновалась, но вскоре присела, поддерживая Харуми и глядя на него.

— Эм...

— Ты хочешь, чтобы я тебя понес?

Нацу покраснела, но не стала отрицать.

Она была весьма хлопотной женой, но Касима выполнил ее желание.

Касима тоже покраснел, но для его действий было достаточное оправдание.

Мужчина решил, что сделает все ради них двоих.

Касима присел, держа правой рукой зонтик, и завел руки за спину Нацу, удерживающей Харуми.

И он ее подхватил.

— Кья.

Она была легкой. Касима думал так и прежде. Он счастливо делал это во время их свадьбы, и когда она вынашивала Харуми.

Тогда он держал ее в руках, и осознал, насколько же она легкая и как же она для него важна.

Она была словно букет цветов.

Зонтик в его правой руке скрывал небо над их головами, и защищал всех троих от дождя.

Его большая ноша улыбнулась у груди и проговорила:

— Нам следовало прихватить видеокамеру. Мы не сможем этого сделать, когда Хару-тян подрастет.

— Я бы тогда слишком смутился.

— Не волнуйся. Никто кроме нас этого не увидит.

— Пожалуй, — согласился он.

Теперь им следует поспешить. Когда Нацу вытянула руку и подобрала другой зонтик, до дома оставалось всего триста метров. Его руки смогут столько протянуть.

Касима зашагал с двумя улыбками в своих руках.

Он глянул на них с собственной улыбкой и подумал про себя.

Мужчина задумался о Пути Левиафана.

...Следует ли мне принять в нем участие?

В столовой Ацута сказал, что выглядело так, будто он уже все решил.

Ацута мог быть и прав.

Прислушавшись к дождю, он припомнил тот случай и его собственную силу, создавшую меч, который его вызвал.

Это была его истинная сила.

...Это сила, которую я должен отринуть.

Но Касиму посетила еще одна мысль, на которую он внутренне вздохнул.

...Почему же я не могу забыть об этой силе?

<http://tl.rulate.ru/book/95927/3274843>